

БИРЮК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ГАЛИНА ЧЕРЕДИЙ

18+

Галина Чередий

Бирюк

Серия «Любовь без обоснуя», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64425533

SelfPub; 2021

Аннотация

– Овца такая, еще бегать за тобой! – рывкнул он и, выпрямившись, пнул кого-то у своих ног. Девушку. Мокрую насквозь, бессильно распростершуюся по земле. Она вскрикнула от удара совсем слабо, будто уже была едва жива. – Пожалуйста... – прохрипела она. – Не надо... Вам заплатят... – Заплатят, куда ж денутся, – цинично фыркнул ублюдок. Я почти шагнул вправить мозг этому гаду, как услышал справа и сверху звук шуршания по камню. Еще один амбал с обрезом на плече появился на вершине ближайшего валуна.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Галина Череди́й

Бирюк

Бирюк – 1. Волк-одиночка (обл.). 2. *перен.* Нелюдимый и угрюмый человек (разг.) (Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов)

Глава 1

– Они работают как надо? Уверена? – повертела я в подрагивающих руках прозрачный пакетик с десятком голубых таблеток, если честно, адски напуганная этим ужасным чувством жадного предвкушения внутри. – Прошлые не особо-то действовали.

– Да ладно? А на тебя глянув, я бы так не сказала, – ухмыльнулась Милана, оглядев меня с ног до головы. – По мне, так ты десяток кэгэ скинула с прошлой нашей встречи.

– Но этого недостаточно! – буркнула я, впихивая ей в ладонь пару крупных купюр.

– Ты смотри, чтобы перебора не было, – покачала она головой. – Знаешь, бывают же вещи, которых просто невозможно достигнуть.

– Намекаешь, что я родилась жирной коровой и другой быть мне не вариант? – вспыхнула я моментально.

Легко умничать, когда сама без труда выглядишь как недостижимый идеал. Идеал для моего Гошки, а значит, и для меня. Потому что черта с два я сдамся и смирюсь с тем, что стану уже совершенно нежеланна для любимого мужчины.

– Эй, не психуй! – отступила на всякий случай Милана. – Чтобы ты знала, повышенная раздражительность – побочка у всех этих пилюль. Не безопасные они ни хрена. Так что

башкой подумай, стоит ли из-за мужика...

– Из-за мужика не стоит! – оборвала ее я. – А для мужа законного – да.

– Как знаешь, – пожалала она острыми плечами, заставляя меня давиться от зависти при взгляде на ее выпирающие, обтянутые только тонкой кожей ключицы. На таких вот остреньких углах и зависал мой муж, я видела, хоть он и думал, что не замечаю. У меня-то там... м-да. – Но я бы не стала. Ни за что.

– Просто мужчина тот самый не попался еще тебе, – отшутилась я уже ей в спину.

Оставшись ненадолго в туалете кафе в одиночестве, уставилась в изрядно заляпанное посетителями зеркало, офигевая от вида своих расширенных зрачков и позволяя себе в полной мере осознать, как же я дико устала от всего. От этой вечной гонки за стройностью, в которой мне все не удавалось победить. От выжимания себя чуть не досуха на тренажерах, что не только было призвано добиться желанных форм, а точнее, их отсутствия, но и изгоняло эту зудящую непрерывно в последнее время неудовлетворенность, тоску по другой усталости, которая и не усталость вовсе, а сытая истома поющего после наслаждения тела. От боли в суставах и мышцах, что поселилась во мне и отпускала только после очередной чудо-пилюли. И душевная боль от того, что все время ловила Гошку за пристальным рассматриванием какой-нибудь суперстройняшки, которая изящнее, моложе,

изысканней меня, тоже уходила с этим, как и голод с изнеможением. Открыла кран, вытрясла один голубой кругляш и запила его, запрокидывая голову, отдающей хлором водой.

Вернувшись за столик, Милану уже не застала и сама собиралась поскорее из этого месторождения еды, что имеет неизбежное свойство цепляться на мои бедра и талию, тормозя на пути к мечте. При выходе на еще холодный по весне воздух меня сильно шатнуло, и только придерживавший за локоть случайный прохожий не дал упасть. Извинившись, я заторопилась к машине. Надо заехать навестить отца. Еще одно ежедневное неизбежное испытание. Я его, конечно, безумно люблю, но в последнее время папа становится все невыносимее. Болезнь так сказывается, что ли? Или это просто уже возраст? Но при каждой встрече он буквально изводит меня одним и тем же.

– Господи, Алька, да ты все зеленее и зеленее! – возмутился он вместо приветствия, сурово сдвинув седые брови.

– Привет, пап, как ты сегодня? – будто и не замечая этого, поздоровалась я. По дороге в больницу меня уже изрядно попустило. Настолько, что могла улыбнуться ему, делая вид, что не знаю, как все пойдет дальше. Как всегда.

Смотреть на него, полусидящего на кровати в больничной, хоть вип-класса, но все равно наполненной аурой безысходности палате, с вечными капельницами и плачущими приборами – само по себе испытание. Чего уж говорить о споре с ним таким.

– Я сегодня так же, как и вчера. Умираю потихоньку, – огрызнулся он. – А вот ты, смотрю, решила тоже на тот свет отправиться.

– Ну пап! – вздохнула я, закатывая глаза и чувствуя при этом легкое головокружение.

– Что ты мне «папкаешь»?! – раздраженно продолжил он. – Ты себя в зеркале видела? Прозрачная почти и костями гремишь.

– Все я видела.

– Что, нравишься себе такой? Как смерть, ей-богу!

– Все со мной в порядке, – стремительно теряя терпение и подаренное препаратом хоть ненадолго чувство физического комфорта, отмахнулась я. – Быть стройным – признак здоровья, и это красиво.

– Алька, красиво – это когда от природы уродилась доска доской, и то на любителя. А ты у меня не той породы, ясно?! И этому своему альфонсику так и передай! Не прекратит тебе голову всякой херней с этим похудением забивать, я и из могилы встану и башку ему откручу!

– Да хватит, папа! – впервые в жизни я позволила себе заорать на него. – Прекрати во всем обвинять Гошу! И называть его так не смей! Их семья...

– Ой, да знаю я все про их семью и про пыль, что эти голозадые всем в глаза пускать привыкли! – скривился он пренебрежительно. – И кого ж мне еще винить? До его появления ты у меня была нормальной девчонкой, здоровой, а не

вот этим суповым набором! Ты посмотри, как из концлагеря уже! Вены просвечивают, глаза запали, руки-ноги что те палки стали, кости скоро кожу прорвут! Кончай мне это!

Его приборы заверещали, в палату торопливо вошла медсестра, начав что-то говорить про беспокойство больного, и я уже подскочила, торопясь уйти.

– А ну стой, Алька! – громыхнул отец, отмахнувшись от медработницы. – Я тебе на полном серьезе говорю: не прекратишь угождать этому своему гаденышу мужу и гробить себя, я тебя в клинику запру, а ему такого поджопника отвешу – хрен когда увидишь его.

– Что же ты все время лезешь к нам, пап?! – не выдержав, взорвалась я. – Не понимаешь, что ли, что не заставляет он меня, я сама все, сама! Я хочу быть привлекательной для него!

– Дура! Ты жена ему законная, и от тебя он никуда не денется! Не от моих денег за тобой уж точно.

Господи, как тошно уже от этого! Мало того, что всю жизнь я жила с пониманием, что за этими его проклятушками влиянием и деньгами меня никто не видит. Вечно как в какой-то зоне отчуждения. Естественно, кто же сунется даже с обычным флиртом к единственной дочери долбаного Стального короля, зная его нрав крутой и замашки едва ли не бандитские! Только смертник какой, ведь если что не по его – все, ищи потом человека. Гошка вон только и решил-ся, с ним хоть узнала, как женщиной себя чувствовать, и то

отец над нами вечно коршуном нависал, пока не плюнули и не уехали на съёмную квартиру.

– Да плевал Гоша на деньги твои! Он меня не за них любил.

– Если не за них и если полюбил, то чего тебе тогда морочиться и себя пытаться, а? Живи себе спокойно, детей роди, коли муж хороший да любит. Вон, твоя мать никакой дурью не страдала. Знала, что люблю, и не дергалась.

У меня аж в глазах потемнело. Ведь это как раз их родительский пример мне дышать нормально временами не дает.

– Знала, да? И о том, что ты по выходным за городом с девками отдыхаешь, она тоже, между прочим, знала и рыдала ночами, да только тебе никогда и слова не говорила. А и сказала бы... ты же...

– Да ты... не твое это... – схватился за грудь отец и отвернулся, а мне стало стыдно за себя и страшно за него.

– Прости, пап... – рванулась к нему, но он рубанул ребром ладони по воздуху, будто проводя между нами непреодолимую черту.

– Твоя мать, Алька, была золото, а не женщина, ей равных нет и не будет, – прохрипел он. – А ты бы с нее пример брала. Она знала, что девки эти все у меня – пустое, что я ее и всегда буду. Семья у нас была, а остальное – пшик один. И если твой Гоша тебя любит, как говоришь, и ты с этим смирись.

– Не хочу! Не буду, пап! – вскочив, я пошла на выход. – Я терпеть, молча рыдать и сгореть раньше времени, как мать,

не хочу!

Мой муж должен во мне не только жену, дом, очаг видеть. Я желанной быть ему хочу. Как вначале. И ради этого все сделаю.

Меня трясло и пошатывало, пока я шла к машине, желудок превратился в обжигающую черную дыру, и я понимала, что избежать худшего не удастся. Мои нервы сейчас были разорваны в хлам, остановиться я не смогу, даже зная, что только сделаю себе же хуже.

Притормозив у первого же кафе быстрого питания, я ввалилась туда, заказывая целую гору еды. Заглатывала все, почти не жуя, наплевав на удивленные и осуждающие взгляды окружающих. Ела без остановки до тех пор, пока не ощутила это – спазм острейшего отвращения к себе вот такой, безвольной, недостаточно хорошей, чтобы любить и желать меня какая есть, и не способной стать ни для кого какой надо.

Зажав рот, рванула в туалет, где меня рвало, пока внутри не осталось ничего. Я рыдала, склонившись над раковиной и пустив воду, а мимо кто-то ходил, наверняка пялясь презрительно на меня, похожую на раскисшее дерьмо. Успокоившись, я тщательно умылась, проглотила еще волшебную пилюлю, и, доехав, еще минут тридцать накладывала новый макияж и усиленно тренировала непринужденную улыбку на лице, прежде чем подняться в квартиру. Мой любимый мужчина не должен видеть меня размякшей истеричкой.

Глава 2

– Не давай больше ключи этому долбо*бу! – влетел за мной следом в яровский кабинет придурок Боев. Вот реальный придурок правда стал, как с мелкой моей сошелся. Раньше душа-мужик был, шутки временами дебильные, но в целом-то нормальный. С ним и прибухнуть без тормозов можно было, и в бане с телками оттянуться... Ладно, от последнего я сам первый отказался, долбоящер. Да так назад и не втянулся. А х*ли втягиваться, когда ты больше не мужик? Один кайф в жизни и остался, а этот лезет еще. Лечит. Иди, бя, вокруг Катьки хороводы води.

– Отъ*бись, Андрюха, – рыкнул я через плечо.

– А я говорю – не давай ему ключи, Камень! Он же опять забухает там на все выходные!

– А тебя оно *бет? Мои выходные – как хочу, так и оттягиваюсь, – бросил через плечо. – Я что, с работой косячу? Подвожу кого?

– Да ты скоро кусками печени разложившейся блевать начнешь, *банат! – грохнул по столу кулачищем истеричка-качок.

– Опять же печень мо...

– Да х*й ты угадал, мудила! Катька как глянет на тебя, так плачет потом, успокоить не могу! Совесть есть у тебя, гад? – Есть, и прямо сейчас она душевно так вгрызлась в сердце.

Прости, сестрён, что вот такой тебе у*бан брат достался. Забей на меня, роднуль, я слез не стою. – Что ж ей душу выматываешь? Из-за кого? Из-за курвы какой-то продажной?

Не поймешь ты, дружище. Да и не твое это дело.

Я наткнулся на тяжелый взгляд Камнева и сдержал порыв поежиться. Пялится вечно этими зенками своими, глубоко посаженными, как насквозь рентгеном просвечивает. Кажется, всю мою позорную подноготную как на ладони видит. А может, и не кажется. Камнев, он такой. Хорошо хоть большей частью молчит. Зато Боев за двоих справляется.

– А ты мне Каткой в рожу не тычь! – отгавкнулся я. – Ты когда ее женщиной порядочной сделаешь, лучше отвечай! У нее уже пузо видать, а ты все яйца мнешь. Если передумал – убью к хренам.

– У моей конфеты не пузо, ясно? Еще так назовешь – втащу. И ты, сука, совсем уже мозги пропил, Колян? – нахмурился Боев еще сильнее. – Я бы уже сто раз Катку в ЗАГС затащил, но ей так-то свадьбу хочется, а на свадьбе этой должен быть ее единственный родной брат, мать его ети, причем в нормальном виде, а не похожий на кусок заросшего, опухшего от бухла дерьма! От тебя народ уже в офисе шарахается, чучело!

– Вот и пусть себе шарахается, – отмахнулся я. – Так что, Яр, ключи от избушки одолжишь? Нет, так я и в палатке на природе перекантуюсь.

– Совсем *банько, – закатил глаза Боев. – Конец февра-

ля на улице. Да дай ты ему уже эти бл*дские ключи, а то замерзнет в сугробе каком, а мне потом как Катьке в глаза смотреть? Когда ты очухаешься уже, Шаповалов? Ну, бля, понимаю: приуныл, прибухнул сначала, полечился чуток. Но потом пойди ты лучше в загул по бабам, оно точно работает безотказно, а не со стаканом дальше братайся! Уж от шалав все вреда здоровью меньше, хоть ты хер с ними сотри. Тьфу!

Он досадливо сплюнул и свалил, хлопнув дверью.

– Андрюха дело говорит, – уронил веско всегда немногословный Камнев, вытаскивая из ящика связку ключей и кладя их на столешницу.

– Андрюха у нас – поговорить любитель, – ухмыльнулся я, отказываясь встречаться с ним взглядом.

– Так и есть. Но это правоты его не отменяет.

– А я разве спорю? – все так же отказываясь смотреть ему в лицо, ухмыльнулся типа бесшабашно я.

– Колян, может, ну его, лес этот? – с хрустом щетины потер квадратный подбородок друг. – Давай сегодня сядем, вместе пару пузырей раздавим и потрындим за жизнь спокойно.

– Спокойно? А Роксана у тебя сама будет с детьми подкидываться, пока мы расслабон ловить станем?

– Роксана поймет. Объясню ей. Катьку вон на помощь ей пошлем.

– Что объяснишь? – мигом заведясь, я встал и сгреб со стола ключи. – Что есть у тебя друг-компаньон, слабак и ны-

тик, и надо ему сопли подтереть да присмотреть, как за ссыкуном несмышленным?

– Не городи х*йни. Друзья – они для всего. И сопли подтирать, коли надо, и в рожу дать. А иногда просто вывалить на них, чё за говно на душе.

– Говно надо не на друзей вываливать, – отмахнулся я и ушел. Сбежал. Услышав в спину тихое «Не прав, ох, не прав, мужик».

– У нас сегодня тушенка хорошая. Две по цене одной. И килька в томате вкусная тоже. – Продавщица в поселковом маркете, как ни старалась, не могла скрыть осуждающее выражение лица, пробивая мне три бутылки водяры и столько же банок с консервами.

– Тонкий намек, что закусывать активнее надо? – зло оскалился ей я и демонстративно прихватил еще и пару полторашек пива в холодильнике перед кассой и большой пакет чипсов, хер его знает какого вкуса. Жрать их не собираюсь. – Как не принять во внимание слова умудренной опытом дамы.

Вот как назло уже три недели подряд я попадаю на нее, когда тарюсь перед тем, чтобы забуриться в лес. Она мне точно уже ярлык «алкаш конченный» на лоб припечатала. Вон как горестно вздохнула, головой качая.

Да и класть я хотел на ее мнение. И вообще на всех с их жалкими потугами воззвать к моим совести и разуму. Просто... ну, сука, как наждаком по шкуре от ее взгляда. Да нах!

Добравшись до избушки, я первым делом принялся дрова колоть, воткнув пузыри с огненной водой в снег у крыльца. Я, может, и конченный, и алкаш и не мужик больше, но желания закончить жизнь самоубийством, медленно замерзнув тут, не имею. Пока. Там... как пойдет.

– Коленька, я тебя умоляю, поверь мне, любимый!

Голос Аньки, то молящий, полный слез, то проклинаящий, бьющий жесткой, как железный прут, по открытому сердцу ненавистью, занудел в голове привычной, намертво заевшей пластинкой. Которую, гадину, не вырубить, не разбить, даже если сам башкой об стену бейся. Тоже пробовал поначалу.

Перед глазами тут же вставало ее некрасиво зареванное лицо, распухший, всегда идеальный аристократичный нос и то, насколько дико смотрелось ее тонкое запястье в кольце наручников, что были прикованы к ручке в Андрюхиной тачке. В первый момент меня аж повело от ярости. Думал, за*башу Боева. Как посмел только! Мою женщину! Мою Аньку! А потом... Потом только и помню, как блевать тянуло с каждой минутой и открывшейся подробностью все больше. Моя женщина, да? Папина дочка из приличной семьи? Ну, подумаешь, папаня – раздолбай и в бизнесе полный лох, но люди-то порядочные.

Порядочные, ага. За малюсенькой поправочкой. Никакой он ей был не отец. А Анютка, как выяснилось, никакая не моя женщина. Где были мои глаза? А мозги? А хоть элементарная природная подозрительность? Почему, почему, бля, обладая такими возможностями, я не пробил эту «семью» на вшивость хоть слегка. Вылезло бы же все мигом. Но не стал. Даже мыслишки краткой не мелькнуло. Почему? Так она меня зацепила? За яйца и за мозги разом взяла? Но как? Как? Кто я, сука, после этого?

– Я думала, ты мой шанс! Выбраться из этого всего, зажить нормально! Он меня заставлял!

Ага, Колян, не любимый ты никакой, ты – *баный шанс. Лесенка в достойную жизнь, палка-открывалка в нее.

– Ты не мужик, ясно?! Да мне под тебя и ложиться каждый раз тошно было и что кончаю изображать! Ты же понятия не имеешь, как бабе удовольствие доставить! Отстой, привык шлюх за бабки драть! А что сам по себе можешь? Ничего! Только для себя, о себе! Не мужик! Был бы мужиком, никому бы про меня не поверил!

И опять руки заламывать давай, глаза змеиные закатывать. Ноги типа подогнулись, на пол рухнула. А у меня тогда и боль адская навывлет в сердце, и одновременно весь как глыба льда.

– Ты мою сестру насильнику продала.

– И что? Я от тебя опасность отводила и ярмо это детдомовское снимала! Ты мне ноги целовать за это должен! И

защищать! Хоть от кого! Любил бы – все простил и всех бы на хер послал, меня одну слушал! Все тебе вокруг кто? А я твоя, твоя... я для тебя все, Коленька, родименький! Меня слушай! Люби, как я тебя. Люблю же, люблю! За тебя и продам, и предам, да хоть своими руками кого убью!

Мне как позвоночник ломало в ста местах сразу, желудок – как мешок с красными углями, в сердце – что той нечисти колом. Протянуть бы руку. Зарыться в знакомый шелк волос. Подтянуть к себе. Прижать мокрой щекой к своей. Вдохнуть запах дорогого парфюма. Забыть начисто, что сделано и наговорено. И оказаться в иной реальности, где она не мразь продажная, что мною едва ли не брезгует. Пока я в постели кайфую, как слепой *банашка, просто держит лицо и терпит, терпит.

– Не настолько ты хорошо сосала для этого, Анята, – процедил сквозь зубы, а по ощущениям – кровь себе пустил. Дурную, лишнюю, пусть уходит с ее отравой.

– Пошел ты! Все вы пошли! Бросили меня все!

Так и было. К тому времени, как я ее приволок в их с «папой» личную квартиру, которая на деле оказалась съемной хатой этой парочки гастролирующих аферистов, ее любовника там уже и близко не было. Чутье у прожженного гада сработало. Собрал манатки и съ*бался из города, бросив «дочуру»-подельницу на произвол судьбы. И правильно сделал. Аньку я, конечно, не тронул. Пусть орала дурниной и бросалась, оскорбляя по-всякому, но руку поднять на ту, с

которой... спал... которую любил... женой своей видел. Не мужик я, ага, но и не чмо позорное до такого опускаться.

Выгреб я тогда все наличные бабки, что были у меня дома, дал пятнадцать минут на собрать барахло самое необходимое и вывез за город. Бросил прямо на трассе, выслушав в очередной раз, какая я тварь и не мужик, и оставил там. Велел никогда больше не сметь возвращаться и вообще забыть обо мне, Катьке – обо всем. Ибо, если узнаю, дойдет до меня, что где-то рот раскрыла, хоть, по сути, и не знала ничего, найду и тогда уже не пожалею, удавлю. И уехал, оставляя ее на дороге с чемоданом, чувствуя себя гаже некуда. Но такие не пропадают. Ни на трассе, ни в чистом поле. Уехал, а вот голос в голове, орущий «ты не мужик, не мужик, не мужик, пустое место, ничтожество», так пока извести и не смог. Ведьма, видно, Анька-то.

Вернувшись, собрал ее остальное шмотье, глотая с горла водку, ею же и полил, вывалив на мусорку, и даже поджег. Соседи вызвали ментов. Мужики были знакомые, сказали «не надо так делать, Шаповалов» и даже подвезли в ближайшую сауну. В которые я больше не ходок. Потому как не встал у меня. Ни сам по себе. Ни во рту у девки. И через день не встал. И через неделю. Вот потому больше и не позорюсь. Видимо, права Анька. Не мужик я. А смотреть в понимающие, услужливые глаза шлюх, убеждавших меня за мои же деньги, что все норм, со всеми бывает, и вовсе тошно стало с того времени. За деньги-то и нестоячему поклоняться, да?

И *баря самого конченного богом секса назовут. И любовь изобразят и оргазмы. Так, выходит?

Глава 3

– Алька, не начинай! – шикнул на меня Гоша, когда я, уместив голову на его плече, принялась поглаживать грудь через рубашку. – Устал я.

В глазах мигом защипало от обиды. Последний раз у нас был уже почти месяц назад, а после этого все, что я получала в качестве близости от мужа, – полусонные объятия и быстрые формальные поцелуи перед выходом из дома и при встрече. Чертовски недостаточно.

– Давай я тебе массаж сделаю, а? – проглотив привычную уже горечь, сумела натянуть улыбку и принялась расстегивать пуговицы на его рубашке. Черт, но в журналах же пишут, что мужикам тоже бывает сходу не до секса. И причину сразу в себе искать не стоит.

– Да не надо, Аль! – неожиданно почти грубо отмахнулся муж, и я вдруг поняла, что он весь напряжен, как струна, за малым разрядами от него не шарахает.

– Гош, я знаю, что ты устаешь. Понимаю, как тебе трудно. – Вздыхнув, я осторожно зарылась пальцами в его волосы и принялась мягко массировать кожу его головы. Знаю, он просто обожает это. Вот и сейчас заметно расслабился и даже глаза прикрыл. Господи, я хочу, хочу его... близости хочу. – На тебя столько всего свалилось. Но и отдыхать тоже хоть капельку надо. Я тоскую по тебе, как чужой стал в

последнее время.

Наклонившись, я нежно поцеловала уголок его рта, помня и об этой его слабости. И еще раз, ожидая отклика. Гошка никогда не любил агрессивных, навязанных, слишком глупых поцелуев. Поначалу я, бывало, ошибалась, увлекаясь, но давно привыкла сдерживаться. Но вместо того чтобы откликнуться, Гошка дернул головой так, словно я его укусила, и вскочил с дивана в нашей гостиной, чуть не опрокинув меня на пол.

– Знаешь, да?! – неожиданно заорал он на меня, нависая и пронзая каким-то беспощадным, насмешливым взглядом. – Что ты знать-то можешь? И понимать! Папина принцесса, о которой он только и печется! Никто его доченьке не ровня, одни прощелыги да альфонсы кругом! Тебе хоть приходилось терпеть такое отношение к себе?

– Гош, я...

– Что, блин, ты? Понимаешь, что я, взрослый самостоятельный мужик, ради тебя все это выношу каждый божий день? Впрягся его бизнесом заниматься, пока старик в больнице, пашу с утра до ночи, но так этого еще и мало! Я должен ежедневно бодренько на отчеты к его величеству бегать. Выслушивать, какой я баран тупой, что он запрещает мне сотрудничать с кем-то, а между прочим, это те люди, что уже почти весь наш край под себя подмяли. Живет мозгами в своем гребаном Совке и не соображает, что времена поменялись. С бандюками ему дела вести запаadlo, а то, что ес-

ли и дальше кобениться станем, то и завалить могут, его не колышет ни разу. Он же и так одной ногой в могиле, вот и смелый. Все на связи свои старые мне тычет, на таких же старперов.

– Гоша, остановись.

– Ну уж нет, ты же, дорогая, хотела, чтобы я расслабился, поговорил с тобой. Так слушай теперь. Мало мне всего этого рабочего дерьма, так еще и за тебя и твой внешний вид должен выслушивать. Какого хрена тебе вздумалось морить себя голодом? Чтобы папаша твой мне мозг чайной ложкой еще и за это ковырял?

– Гош...

– Да что Гоша?

– Ты не смотришь на меня, не хочешь – вот что! Мне тебя не хватает! Как мужа моего, как мужчины! И думаешь, я слепая и не вижу, на каких женщин ты засматр...

– Дура! Ты хоть ничего из этой ереси отцу своему не наболтала? А? Отвечай!

– Нет. Но...

– Но что? Я теперь еще и кобель, что от тебя налево ходит, для него, так? Да старый же меня...

– Ничего такого, Гош! Отец, наоборот, убеждал меня дурью не страдать и закрыть на такое глаза.

– Ну прекрасно! Закрывать глаза! Алька, да ты меня, считай, подставила.

– Прекрати! Ничего подобного. Я живой человек и имею

право высказывать свое мнение. Не хочу я жить, как они с мамой, слышишь? Я люблю тебя. Хочу тебя. Но если ты – нет и больше ничего не чувствуешь ко мне... Давай просто разойдемся уже.

– Разойдемся, да? – ухмыльнулся Гошка жестко. – Почему? Потому что я тебя не ублажал давно?

– При чем тут убл...

– При всем, милая. Это же, видно, ваша семейная черта – иметь по-всякому. Папаша твой мозг мне сношает, а тебе секс вот подавай, и пофиг, хочу ли я. А если что не по-вашему – вперед, Гоша, давай разводиться, мы тебя мигом сменим на другого.

– Что? – Я буквально задохнулась от боли.

– Не так, что ли? Может, уже и женишок новый на примете есть, а, Алька? Сама нашла, или старый присмотрел?

– Хватит! Я ничего этого не заслужила! Если ты устал, то идем спать, пока не наговорили ничего такого, о чем пожалеем потом оба.

– О, нет, как же! Какой спать, когда нашей принцесске хочется секса. – Гоша, кривясь и скалясь, принялся срывать с себя одежду. – Сию же минуту холоп обслужит и ублажит. Как изволите?

Я смотрела и не могла узнать любимого человека. Где тот улыбчивый, сдержанный Гоша, что ни единого грубого слова никогда не употребил при мне. Его и правда все так достало? В том числе и я?

– Прости, – пробормотала я, чувствуя себя дрянью конечной. Что я за жена, если в упор не видела, до чего он уже дошел, погрузившись только исключительно в страдашки о недостаточности интереса и желания с его стороны. Эгоистка. Все мне. Для меня. – Гошенька, прости меня.

Я протянула руки, желая обнять его, но муж опять шарахнулся, будто мои прикосновения могли его обжечь, и быстро ушел в спальню, хлопнув дверью.

Конечно, мне стоило все равно пойти и лечь с мужем. Но я отчего-то не смогла себя заставить. Не могу я вот так все время. Чувствовать себя навязывающейся, капризной прилипалой. Или нищенкой, что стоит с протянутой рукой, выпрашивая у него хоть каплю ласки. А еще боялась нарваться на еще большее количество злых, обидных слов, забыть и простить которые потом будет трудно. Ведь я верю, что «потом» у нас обязательно будет. Времена настанут полегче, тучи разойдутся для нас. Оба перетерпим, успокоимся, и все вернется. Ведь если у людей есть настоящие чувства, то они не могут взять и уйти безвозвратно. В никуда. Так ведь?

С утра тошнило, опять ломило все суставы, голова просто раскалывалась. Я вытряхнула в ладонь голубую пилюлю и с полминуты колебалась, глядя на нее. Может, и правда ну ее к черту эту недостижимую изящность. Ведь полюбил меня

Гошка не за худобу, да и сейчас что-то появляющаяся вроде стройность не сильно-то мне помогает вернуть его внимание. Потому что не в том причина. Теперь я это знаю. Нужно время и терпение. Просто... для того, чтобы терпеть и ждать, тоже нужны силы. А я ощущаю сейчас себя разбитым корытом. Ну как я такая смогу поддерживать мужа? Только опять эгоистично ныть, как мне плохо. Будто ему и без меня хлопот не хватает. Так что это в последний раз. Завтра я прекращу. Буду очень стараться.

Гошка к утру не отошел, хотя я не замечала за ним прежде долгой обидчивости. Все так же держал дистанцию между нами и избегал любого прикосновения. Больно.

Не желая больше подставлять мужа перед отцом, села с ним за стол и съела нормальный завтрак, приготовленный нашей Ниной. Но еда падала в желудок, будто была камнями, и я не смогла и доест тарелку овсянки, как пришлось сорваться в туалет. Когда же вышла, Гоша уже уехал. Даже не поинтересовавшись, что со мной.

Горько.

Но все пройдет. Верю.

В тренажерный зал я собиралась, рассеянно по походу пытаясь поддержать телефонный разговор с Мариэллой, моей двоюродной сестрой. Имечком таким чудным ее маманя наградила, жена папиного брата, очень манерная дама, с которой никто в нашей семье не ладил. Так уж, как говорится, исторически сложилось. Потому как, когда мой отец со всей

присущей ему топорной прямотой и простотой говорил «Да какая в жопу Мариэлла, Манька она!», ту аж бомбило. Да и с самой сестрой мы не ладили в детстве. Она вечно, пользуясь тем, что была на пару лет младше, вымогала мои любимые игрушки, устраивая безобразнейшие истерики, а после возвращала, обязательно изуродованными до неузнаваемости. Но после того, как папа окончательно сдал около года назад, она сама стала звонить мне, приезжать, поддерживая. И опять же так исторически сложилось, что именно ей я, разок напившись, пожаловалась пару месяцев назад на тотальную холодность мужа и поделилась желанием обязательно быстро и существенно похудеть. Она же мне и нашла Милану с ее чудо-таблетками.

– Все, не буду я больше играть с этим, – категорично сообщила ей я, хоть и у самой загорелись щеки. Смело так заявлять, учитывая, что препарат прямо сейчас в моей крови. – Мы вчера поговорили с Гошкой. Хотя точнее сказать, что он на меня тупо орал, но я поняла, что дело тут не в том, толстая я или худая. Дура я эгоистичная, не видела, что он устал от всего как собака.

– Господи, Алька, ты это серьезно? – возмутилась Мариэлла. – Ты позволила мужику на себя орать, да еще и свою вину во всем нашла? И теперь еще и запустить себя собралась? Очнись! Гоша твой сегодня есть, а завтра свалил, а ты себя опять в жирное чучело превратишь ради него?

Жирное чучело? Ну спасибо тебе, родня.

– Я решение приняла, – огрызнулась я, – пора нам настоящей полной семьей становиться. Сегодня же запишусь на прием к гинекологу своему. Хочу родить Гошке ребенка. Чтобы он больше не выдумывал себе, что какой-то легко заменяемый проходняк.

– Ну знаешь... короче, я такое с тобой пока обсуждать не готова. – И она положила трубку.

Припарковавшись перед зданием новейшего и пока единственного в нашем городе фитнес-центра, выбралась из салона и полезла на заднее сиденье за спортивной сумкой. Позади кто-то лихо притормозил, судя по визгу покрышек. Только выпрямилась, оборачиваясь в поисках лихача, как передо мной вырос какой-то детина в кожаной черной куртке и такой же черной обтягивающей шапке, надвинутой до самых глаз. Жутких. И тут же в подбородок врезался его кулак, голову отбросило, ударяя меня еще и затылком об авто. В мозгу все взорвалось болью, но сразу сознание я не потеряла. Упала на четвереньки и поползла, хрипя в попытке позвать на помощь.

– Крепкая сучка, вся в папашу, – зло пробормотали надо мной, и болью обожгло уже живот, лишая дыхания.

Нападавший пнул меня, роняя на бок, и, несмотря на замельтешившие цветные пятна, я смогла различить, что он не один. Сразу два массивных силуэта нависли надо мной, закрывая мрачной массой весь мир.

– Мой отец... он вас... – все еще не в силах нормально

вздохнуть, прохрипела я.

– Ага, был твой отец, да весь вышел, – презрительно хохотнул один из нападавших, и его новый удар в лицо отключил мое сознание.

Глава 4

Я покосился на торчащие из глубокого снега прозрачные горлышки бутылок. Воткнул лезвие топора в пень. Конечный я слабак, но бл*дский голос Аньки задрал уже меня, а бухло было единственным, что ее затыкало. Хотя бы потому, что вырубало и давало спать. Без *банных снов, что она идет такая вся несчастная в чистом поле, сгибаясь под ледяным ветром, утопая по колено в снегу, и все твердит и твердит свое гадское «ты не мужик, чмо, не мужик». Брехня, нет этого! Она уже сто пудов пристроила свою красивую жопку на чью-то еще шею. Такие, как она, не пропадают. Но и настоящие мужики так, как я, не поступают. Не выкидывают, как мусор, плевать, что дальше, тех, с кем спали. Ну а как по-другому? Запереть ее где-то? Насколько? Где? На х*я?

Выхватив из снега бутылку, я свернул с хрустом крышку и заглотил с горла. И чуть не подавился, расслышав что-то очень уж похожее на отчаянный женский крик.

– Ну, бля, поздравляю, Колян, твой психоза*б крепчает. Уже глюки слуховые пошли.

Поднес опять к губам горлышко, но тут панический далекий визг раздался снова, а спустя секунду и хлопнуло. Выстрел. С таким я не ошибусь.

Кинув бутылку, машинально подцепил топор и рванул на звук. Кажись, со стороны реки было. Шагов через десять

мелькнула мыслишка, куда и зачем пру. Но как появилась, так и испарилась. Если у меня и правда не глюк на нервной, бля, (нервной, как у бабы истеричной) почве, то кричал кто-то, отчаянно нуждающийся в помощи. Женщина. А я, может, и чмо уже перед Господом Богом, но не вообще конченное.

С быстрого шага перешел на бег, напряженно прислушиваясь и злясь на похрустывающий под ногами снег. Он мешал слышать лучше. Но как выскочил на берег реки, стало еще хуже. Тут снег повыдувало или он стоял в оттепель недавнюю, но зато сама речка вскрылась ото льда чего-то в такую рань, и шум воды глушил все. Зараза! Аж в башке гудело от усилий. Однако крик больше не повторялся, и я понятия не имел, куда двигаться. Чисто по наитию потрусил вверх по течению. Через метров пятьсот открытый берег в мелких камнях сменился неудобницей со здоровенными валунами. В такой чертовне вообще ни хера не разглядеть. И я чуть не пропустил. И не нарвался. Первым увидел в просвете между камнями здоровенного бугая, что склонился над кем-то. Я на всякий отшатнулся за валун, оценивая обстановку.

– Овца такая, еще бегать за тобой! – рявкнул он и, выпрямившись, пнул кого-то у своих ног.

Девушку. Мокрую насквозь, бессильно распростершуюся на земле. Она вскрикнула от удара совсем слабо, будто уже была едва жива.

– Пожалуйста... – прохрипела она. – Не надо... Вам за-

платят...

– Заплатят, куда ж денутся, – цинично фыркнул ублюдок.

Я почти шагнул вправить мозг этому гаду, как услышал справа и сверху звук шуршания по камню. Еще один амбал с обрезом на плече появился на вершине ближайшего валуна.

– Нашел? – спросил он первого.

– Ага, – и снова пнул бедолагу. Я аж зубами скрипнул. Сука, ноги тебе повыдергивать за такое и в жопу засунуть.

– Чё, обратно ее волочь, Толян?

– Не, на х*й она уже не нужна. видео сняли. Кончай ее, Васян.

– А чё я-то? Шмальни разок, и все.

– Да чё в нее шмалять, патроны изводить. Камнем по башке и в реку.

– Нельзя же... сказали ж, чтобы никаких следов.

– Да тут ни души вокруг, а зверья валом. В жисть и костей никто не найдет.

– Ну, может, хоть камнями завалить?

Пока они вели над своей жертвой этот поганый спор, девушка, видно, собралась с последними силами и стала отползать в сторону.

– Куда, бля! – рывкнул один из мучителей и безжалостно, с силой поставил ей свою ногу на спину, роняя лицом об камни.

– Охота тебе дрочиться – заваливай. – Вооруженный бандюган повернулся уйти. – А, чуть не забыл! Пальцев ей па-

рочку отрежь. Те, что с колечками. Пригодятся вдруг, если видео папаню не доконают.

И он пошел.

– Фу, бля, ну чё вечно я должен такой х*етой заниматься, – возмущенно пробормотал оставшийся и наклонился, схватил жертву за руку, жестоко выворачивая ее. Полез в карман за ножом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.